

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-95-104

Виктор Александрович Сидоров,*доктор философских наук, профессор,**Санкт-Петербургский государственный университет**(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9),**e-mail: v.sidorov@spbu.ru**orcid: 0000-0002-8819-6815*

Диалектика традиций и новаций в современной теории журналистики

В статье рассматривается развитие научных представлений о смысле и назначении журналистики в современном обществе, при этом акцент делается на обусловленности научного процесса всем ходом общественного развития, детерминирующего постановку проблематики в теоретическом анализе журналистики, а также философскую рефлексию в связи с социально-политической динамикой. В этом аспекте отмечается взаимодействие философских и теоретико-журналистских концепций, которые возникали в период с 50–60-х годов прошлого века по настоящее время. Анализируются подходы к построению теории журналистики как унаследованные от прошлого, в котором канонизировалась марксистско-ленинская философия, так и современные или прежде пребывавшие втуне, но актуализированные в ходе кардинальных перемен в общественном устройстве страны. Выделены две тенденции в построении теории журналистики – формирующая общественно значимые целевые установки журналистской деятельности и функционирующая СМИ и критически рефлексировавшая по поводу резкого нарастания негативизма в информационной сфере общественной жизни. Подчеркивается однозначно материалистический базис формирования современных направлений теории журналистики; в анализируемых трудах теоретиков журналистики выделяются аспекты, так или иначе связанные с современным состоянием медийного пространства, в котором происходит видоизменение журналистики при сохранении её родовых качеств.

Ключевые слова: теория журналистики, медиа, СМИ, социальная информация, индустрия сознания, деятельность, материалистический анализ, синергетика

Введение. Как и в предшествующей статье¹, которая для автора стала начальной в его анализе философских оснований теории журналистики в России, предмет нашего интереса – взаимодействие социокультурных/политических приоритетов общественного развития и доминант в теоретических представлениях о смысле и назначении журналистики. Наш интерес сосредоточен на теоретической мысли о журналистике второй половины XX – начала XXI века, на её обосновании в новейших веяниях отечественной философии, восходящих, в свою очередь, к исторической изменчивости окружающего социума в период, когда особенно заметно выделилась «гуманитаризация» научного знания, которому свойственно, пишет В. А. Лекторский, «во-первых, интенсивное развитие дисциплин, изучающих общество и человека, во-вторых, обширный и постоянно растущий комплекс наук, изучающих те или иные аспекты и механизмы познавательной деятельности» [7, с. 6].

В области теории журналистики конца XX века обозначились социокультурные

факторы, повлиявшие на понимание общественного смысла и назначения журналистики во всём комплексе гуманитарного знания. Разные по масштабам своей общественной и цивилизационной значимости, они, тем не менее, почти в равной степени оказали воздействие как на журналистскую практику, так и на развитие гуманитарного знания о мире, в том числе о процессах массовой информации. Выделим несколько, на наш взгляд, особо значимых исторических ситуаций как социокультурных детерминант.

1. В конце 40-х – начале 50-х годов прошлого столетия философская мысль в России оказалась в противоречивой ситуации. С одной стороны, догматизация официального марксизма-ленинизма достигла апогея, рутинная советской философии вкуче с закостенелой политической системой препятствовала включению отечественного обществоведения в мировой научный процесс. С другой, в научной среде отмечается оживление, вызванное победным итогом Великой Отечественной войны; идеологические дискуссии – латентные и явные – приобретают особую остроту. Как ответ на запрос читательской аудитории происходит обновление содержания советской прессы, начатое с публикации в «Правде»

¹ Сидоров В. А. Назначение журналистики в России: политические доминанты и воплощение // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 14–22.

серии очерков Валентина Овечкина «Районные будни». Подтверждается позднее высказанное Б. З. Докторовым суждение о том, что «журналистика раньше, чем “большая наука”, уловила возникшее в обществе стремление к самопознанию и активному участию в политике» [3, с. 424].

2. С периодом «хрущёвской оттепели» – на рубеже 50–60-х годов – совпадает, и частично ею же вызвано, возникновение социологических научных школ, развитие новых течений в отечественной философии. Так, историки науки выделяют философский сциентизм как неофициальное течение в советской философии, появившееся вопреки официальному диалектическому материализму (марксизму-ленинизму); философскую антропологию (как важнейшее направление философского сциентизма в особой мере отразилось в творчестве М. Бахтина); философию культуры Ю. Лотмана, основанную на принципиальном положении о возможности создания универсальной методологии исследования, которую можно применять как в области гуманитарных, так и в области точных наук¹. Начинается осмысление социальной информации, которая «несёт на себе глубокий след общественных отношений, отпечаток потребностей, интересов, психических черт, мнений общности, которую информация отражает и которая пользуется информацией» [1, с. 13]. В этот же период отмечается повышенное внимание со стороны общества к новому содержанию и облику газет и журналов, радио и телевидения: феномены общественного признания «Известий» (гл. редактор А. Аджубей), «Нового мира» (гл. редактор А. Твардовский), несколько ранее открытие телестудий в столицах союзных республик страны, крупнейших областных центрах.

3. Начало последнего десятилетия XX века отмечено кризисом и разрушением государственной системы СССР, сменой парадигмы социально-политического развития, сопровождавшейся активизацией как общественной мысли, так и кардинальной реструктуризацией медийного пространства: изменяются иерархия газетно-журнальной номенклатуры, теле- и радиоканалов, формы собственности в СМИ, политического управления массовыми коммуникациями, радикально пересматривается содержание функционирующих медиа. «Мировоззренческий вакуум, образовавшийся в результате

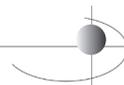
кризиса советской идеологии, создал благоприятную почву для стремительного проникновения в науку “великих учений”, рождённых на Западе, интенсивное распространение которых привело к разгулу иррационализма, различного рода нигилистических доктрин, радикально противоречащих канонам получения научного знания» [16, с. 19]. Смена экономического уклада привела к тому, что в теоретических представлениях о журналистике снова на первый план выходят дебаты о свободе СМИ, взаимодействии с капиталом и обществом.

4. На исходе столетия технологическая революция в функционировании массовых коммуникаций повлекла за собой значительные изменения оценок значения и роли масс-медиа в общественной жизни и в общезивилизационных процессах. В мировой философии, культурологии, политологии ставятся вопросы состоятельности концепции информационного общества [17, с. 13–42], изучаются многообразные аспекты проявляемой в социуме сетевой активности людей, потому что (здесь надо согласиться с В. В. Савчуком) «мы сращены с медиа в той же степени, в какой медиа сращены с нами» [13, с. 236].

Изучаемый нами период истории общественной мысли о функционировании как собственно журналистики, так и массовых коммуникаций и медиа в целом, драматичен и противоречив. За 50–60 лет истории медиаландшафт страны менялся столь разительно, что его научное описание всякий раз приходилось начинать заново, отчего в известной мере стопорился его глубинный философский и теоретико-журналистский анализ. Так что дать ответ на вопрос, какие смыслы назначения журналистики оказались приоритетными в России, можно только с учётом политической картины всей эпохи – времени перемен и времени познания, так как «соответствие или несоответствие результатов познавательного процесса сторонам и свойствам материального мира определяется объективной реальностью» [11, с. 63].

Методология и методы исследования. К началу нового века теоретическая мысль о журналистике оказалась в состоянии кризиса. Сказалось, прежде всего, разрушение былой монополии марксистского подхода к пониманию смысла и назначения журналистики в обществе. Её разрушение привело к противоречивым результатам. С одной стороны, возникновение атмосферы плюрализма в научном знании позволило восполнить до того недостающее звено, связанное

¹ История русской философии: учеб. пособие / под общ. ред. А. Ф. Замалева. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. – С. 277, 303, 311.

с отсутствием в научном обороте некоторых достижений отечественной и зарубежной философской мысли. С другой стороны, за всё время своего безусловного доминирования марксистская методология исследований, пусть даже догматизированная, сложилась как целостная система анализа. Её применение упорядочивало исследовательский процесс, что приводило к позитивным результатам и позволяло специалистам говорить на языке общих понятий, отталкиваться от всеми признаваемых достижений в науке.

Кризисную ситуацию в теории журналистики усугубило (возможно, и вызвало её) показавшееся многим исследователям «исчезновение» объекта изучения – журналистики. На исходе XX века в отдельных научных работах либо прямо заявлялось такое, либо их авторы избегали понятия «журналистика», подчёркивая, что их интерес центрирован на массовых коммуникациях, массмедиа. Среди социальных ролей СМИ преимущественно выделялась функция информирования общества; руководители некоторых СМИ стали говорить о сотрудниках, прежде всего, радио и телевидения, как регистраторах фактов и событий общественной и культурной жизни, а оценку переданной в эфир информации оставляли, как им казалось, аудитории. Соответственно менялась трактовка смысла и назначения журналистики. Однако динамика смысловых подвижек условна.

Бесспорно, что в теории и практике российской журналистики шло избавление от обветшалых положений обществоведения, они замещались в соответствии с переменами в стране и общественной мысли в целом. Однако процесс не был однолинейным, далеко не всегда перемены в теории и практике журналистики были идентичны общественной динамике: сказывались объективные внутренние законы функционирования печати, в силу которых журналистская практика была способна как опережать время (чаще всего), так и не поспевать за ним. Сложнее обстояло с вопросами теории. С одной стороны, научная рефлексия стимулировала новации во взглядах на СМИ и журналистику, с другой, давала знать инерционность уже сложившегося комплекса воззрений на задачи печати, радио, телевидения.

Эмпирической базой предпринятого здесь анализа избраны теоретические работы по функционированию медиа, в которых отмечается динамика общественной мысли о журналистике или открываются в этой области новые исследовательские поля. В основе

анализа эмпирической базы – материалистическая трактовка положений о назначении журналистики в обществе, рассмотренных с учётом актуальных философских концепций времени. В теоретических источниках рассматривалась, прежде всего, мировоззренческая рефлексия их авторов как отражение доминант целеполагания общества своего времени. Акцентируется историческая обусловленность концепций теории журналистики и их ценностное выражение, применяются историко-философский и ценностно-политический методы анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Следуя избранному принципу анализа, присоединимся к определению, данному В. Г. Афанасьевым, социальной информации, которая «не просто результат отражения, не просто знание. Она – именно сообщения, сведения, т. е. такое знание, которое потребно и у которого есть потребитель. Информация есть только там, где есть управление... В этом главная сущность социальной информации» [1, с. 12–13]. Отсюда представление о журналистике как субъекте и объекте управления и о ней же как сфере социальной информации, а движение информации в социуме объясняет деятельностный подход к этому явлению, потому что в его центре «человек, главный компонент любой социальной системы, основной субъект и объект управления, и он является существом общественным» [Там же, с. 13]. Эти положения учёный и главный редактор газеты «Правда» проводил во многих своих трудах, в частности отмечая, что «главными функциями массовых средств информации являются *политико-воспитательная, пропагандистская и управленческая, организаторская*» [2, с. 383].

В приложенных к теории журналистики определениях усматривается разрыв с представлениями о журналистах как исполнителях чужой воли – «приводных ремнях партии» – и утверждается их субъектность в общественной жизни. Отсюда понимание глубокого общественного смысла и назначения журналистики, уважение к труду журналиста. Это была общая позиция для работ А. Ф. Бережного, В. И. Здоровеги, А. Г. Менделеева и других, чьи исследования синхронизировались с важным периодом истории страны и журналистики (50-е – 60-е гг. XX в.). «Журналистика – одна из разновидностей социальной информации. При помощи соответствующих знаков она передаёт информацию о предметах и явлениях реального мира... С философской точки зрения эта способ-

ность человека заменять реальные вещи, явления соответствующими знаками – результат стремления к самосохранению, экономии сил и энергии» [5, с. 65].

В то же время М. К. Мамардашвили заговорил о формировании индустрии сознания, «в которой знающими людьми создаются определённые стандарты мысли... и массово воспроизводятся средствами массовой коммуникации, и тем самым ими охватываются миллионы... Кроме того, этот процесс совпал с процессом превращения интеллигенции из людей свободных профессий в служащих, в людей наёмного труда, в том числе работающих на тех фабриках сознания, какими являются газеты, политические партии, радио, телевидение» [8, с. 57–58]. Взгляд философа понимается как крайняя точка в негативном обозначении смысла и назначения журналистики и СМИ в целом. Впрочем, философов и политологов, солидарных с его суждением, оказалось не так много, им были противопоставлены те, которые придерживались иного взгляда на возможности индустрии сознания, кто находил, что в русском искусстве, которое никак не назовёшь «фабрикой мысли» и которое всегда было тесно сопряжено с журналистикой, открывались «глубокие и очевидные подтексты. У самых талантливых художников философское осмысление мира естественно выросло из художественной ткани их произведений» [4, с. 643–644]. При этом назывались имена тех, кто глубоко родился с журналистской практикой, – в частности, М. Булгаков, А. Платонова. Изучение журналистики как объективного феномена социального мира предопределяло построение в науке теоретических подходов, укладывающихся в парадигму социальной информации, выраженную В. Г. Афанасьевым.

Так, Е. П. Прохоров в совместной работе с Л. Г. Свитич дал определение журналистике как «одному из важнейших социальных явлений. Невозможно представить себе жизнь общества без активной и разносторонней, проникающей во все сферы действительности печати, без телевидения, радио, информационных агентств»¹; позднее свёл к формуле: «Журналистика – явление социальное и составляет важнейшую органическую часть социальной системы в целом»². Е. В. Ахмадулин отмечает, что «журналистика – это социальная система, предназначенная для

¹ Прохоров Е. П., Свитич Л. Г. Введение в журналистику. Журналистика в социалистическом обществе. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 9.

² Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: учебник. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 11.

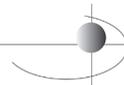
поиска, переработки и дискретной передачи актуальной социальной информации с помощью специализированных коммуникационных средств (печать, радио, телевидение, интернет) неопределённой массовой аудитории с целью информирования, социальной адаптации, а также отражения и формирования общественного мнения»³. С. Г. Корконосенко определил, что «журналистика – это общественная и производственная деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации»⁴.

Выделим главное: в целом исследователи журналистики находятся на позициях, противоположных суждению Мамардашвили, и занимают их под влиянием объективных обстоятельств. В стране за период более полувека в теории сложился и закрепился подход к восприятию журналистики как необходимого обществу института, удовлетворяющего его информационные интересы и потребности, потенциально обеспечивающего всем членам общества выражение их гражданского отношения к жизни, и это находило себе подтверждение в практике СМИ. Поэтому в своих проявлениях журналистика заключена не в одни только «фабрики сознания», по своей социальной природе она многообразна. В связи с чем, следуя практике, исследователями и не мог быть поддержан расхожий тезис об отмирании журналистики как социального явления, так и объекта изучения: «это не только оптимистическая позиция, но и, точнее, соответствующая диалектическому способу научного мышления, с его императивами непрерывной изменчивости и развития» [6, с. 15].

Проявленное на рубеже веков невнимание к прошлым заслугам отечественных исследований в области журналистики не случайно, а обусловлено динамикой социально-политической ситуации в стране. Смена общественного строя, распад СССР, утверждение плюрализма в научном знании – всё это оказало противоречивое воздействие на исследователей медиа. Вместе с включением в научный оборот ряда зарубежных концепций возник нигилизм по отношению к теоретическим работам, написанным в советское время, на них перестали опираться, их почти не цитировали. Не удивительно, что при этом исследователи начали стороной обходить

³ Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики: учебное пособие. – М.: Ростов н/Д.: МарТ, 2008. – С. 9.

⁴ Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение: учеб. пособие. – М.: Логос, 2010. – С. 12.

вопросы партийности прессы, её классового характера, считая их ненужным наследием тоталитарного общества; анализируя произведения известных советских журналистов, не обращали внимания на занимаемую их авторами идейно-политическую позицию.

Если справедливо подчёркивается, что на рубеже 50–60-х годов прошлого века по сравнению с недавним прошлым «на страницы прессы пришли личности – думающие, образованные, представляющие разные социальные слои (достаточно вспомнить очерки и репортажи Т. Тэсс, А. Аграновского, В. Пескова, И. Руденко и многих других журналистов)» [15, с. 180–181], то при этом утверждается, что принципы осмысления образов героев очерков остались теми же, что и в предыдущие годы, то есть динамика в журналистской практике относительна, из чего выводится, что «при восприятии журналистской характера и поведения героев следует... говорить не только о приёмах и методах стереотипизации, но и о культивировании ею социального мифотворчества как проявления манипулятивного воздействия посредством журналистики» [Там же, с. 181].

Подчеркнём, что для последнего десятилетия XX века характерно критическое, даже нигилистическое, отношение к прошлому советской журналистики, вызванное не столько новыми научными подходами к предмету изучения, сколько влиянием на авторов со стороны политики. Поэтому для дальнейшего продвижения отечественной научной мысли в области журналистики требовалось подвести некоторый итог достигнутого за весь послевоенный период истории. Как ни странно, лучшая на этот счёт работа вышла из под пера нашего коллеги из бывшей ГДР, который выделил в истории науки о журналистике три последовательно сменявших друг друга подхода. С известными допущениями, связанными со спецификой развития марксистской мысли в Восточной Германии, анализ, проведённый Г. Пёршке, небезынтересен и для нас.

Так, «было установлено, что журналистика – политический институт, он является частью надстройки, возвышающейся над совокупностью производственных отношений, экономической структурой общества. Это значит, что она относится к идеологическим отношениям, к системе общественных взглядов, идей и институтов, социальных форм организации и борьбы, которая детерминруется базисом, отражает его и взаимодействует с ним... В дальнейшем было установ-

лено, что журналистика выполняет функцию надстройки, отражая общественное бытие... Критика пренебрежения коммуникативным аспектом журналистской деятельности привела к возникновению третьего подхода – рассмотрению журналистики как области или явления коммуникаторной деятельности... Основу этого подхода образуют исходящая из диалектического единства труда, мышления и языка материалистическая теория социальной коммуникации и объяснение массовой коммуникации как формы проявления последней» [12, с. 53–55].

Эта публикация состоялась в качестве главы в монографии 1993 года, этапной в теории журналистики. Новые подходы к проблеме, заявленные в её названии, выразились не в новизне теории журналистики, а в исследовании новизны условий её функционирования, изменившихся исторических обстоятельств: нет смены философской парадигмы, а заметный позитивистский акцент на социологический подход к пониманию журналистики не стал чем-то теоретически новым. Вместе с тем примечательно, что прежние достижения общественной мысли не отбрасываются, напротив, сделана попытка вписать их в новую социальную действительность, в которой, по убеждению одного из авторов монографии, «изменился смысл теоретических исследований, ...когда теория журналистики если кого-то и могла обеспечивать – то органы централизованного регулирования жизни системы... Но теперь надо выходить навстречу новому заказчику – самим редакциям, создателям новых органов массовой информации. А с чем? ...Теоретики-исследователи могли бы выполнять функцию анализа системы массовой информации. На этой основе возможны попытки прогноза, которые важны экономически и содержательно (предсказание коммерческих опасностей, выявление будущих потребностей потребителя). Возможно непосредственное ориентирование учредителей и редакций в состоянии рынка информации, в реальных эффектах деятельности, в реакции аудитории. Пригодится и умение исследователей выполнять функцию независимой экспертизы» [17, с. 25–26].

Таким образом, уже в этой коллективной работе заложены положения, позднее обусловившие переход на позиции рыночного детерминизма, что явилось заметным отступлением от достигнутого ранее, и снова отодвинуло начатое было осознание потребности в ценностном понимании природы журналистики. Произошло изъятие из представ-

лений о теории журналистики её ценностно-ориентирующей функции, указывающей на потребность изучения мира медиа как объективно требуемого демократическому обществу пространства информационного взаимодействия. Позднее на «механическую кальку монетарно-рыночной догмы» обратил внимание Е. П. Тавокин, возразив тем, кто «настаивает исключительно на рыночных принципах функционирования массовой коммуникации, кто представляет процесс функционирования СМК как “промышленное производство, подчиняющееся основным законам бизнеса”» [16, с. 104–105].

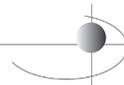
Вполне логично, что Тавокин критически отнёсся и к уже известным определениям журналистики: «В этих работах, как правило, реализуется лишь описательная функция науки, и остаются в стороне её объяснительная и прогностическая функции. В работе Е. П. Прохорова сущность журналистики остаётся где-то “за кадром”. Вместо объяснения проявлений журналистики на основе вскрытия её существенных особенностей даётся подробное описание её как элемента строящегося демократического общества. Автор навязывает журналистике оптимальную, по его мнению, модель её функционирования... , исходя из установок разделяемой им в настоящее время доктрины демократического развития. Признавая за С. Г. Корконосенко вклад в формирующуюся теорию журналистики, следует всё-таки констатировать, что и ему не удалось преодолеть описательную стадию и развить свои концепции до объяснительного и прогностического уровней» [Там же, с. 64–65].

В нашу задачу не входит выработка своего определения журналистики, интерес предпринятого анализа в ином – понять политико-философские основания, выраженные в формулах учёных. В главном исследователи журналистики, чьи труды были упомянуты, в той или иной мере являются продолжателями научной традиции, которая складывалась в стране в период, начавшийся, скорее всего, в первые годы после Великой Отечественной войны. Но есть в их позициях и серьёзные отличия: работы Е. П. Прохорова, демонстрирующие функционализм в исследованиях журналистики, отличаются позитивистским подходом, к которому вообще склонны социологические концепции. Традиций марксистской теории познания придерживается С. Г. Корконосенко. Полемику ведёт Е. П. Тавокин и с выразителями «рыночных принципов функционирования массовых коммуникаций», не соглашаясь с их трактовкой причин-

ности журналистской обработки информации и её распространения, он обратил внимание на рассмотрение этими учёными журналистики как деятельности и поставил в связи с этим ряд вопросов, на которые, как полагает Тавокин, нет ответов со стороны его оппонентов: «В определениях не проясняется характер, направленность и масштабы журналистской “обработки” ...зачем она нужна, какие критерии положены в её основу? ...зачем нужно собирать какую-то информацию и “распространять”? Какова цель этого “распространения”?» [Там же, с. 108–110].

В полемике, начатой Тавокиным, следует отметить принципиальную обращённость автора к вопросу о целеполагании в журналистике. Это обстоятельство открывает перед нами то общее поле, где расположены как позиции авторов, с которыми не согласился Тавокин, так и его собственная позиция, – это пространство, пожалуй, за исключением работ Прохорова, «философской проблематики человека и человеческой деятельности... Понятие “деятельности” как ключевое в объяснении сущности человека» [10, с. 280–281]. Через представления о человеке в обществе, его информационных интересах и потребностях строит свои концепции большинство теоретиков журналистики конца прошлого – начала нынешнего века. Причём работе в этом концептуальном поле не препятствует стремление ряда учёных, анализирующих современные медиа, найти иную объяснительную парадигму их функционирования, так как, считает С. К. Шайхитдинова, в научных трудах присутствует только описательность теорий, они не затрагивают проблемные зоны общественного движения от одной стадии исторического развития к другой. В связи с чем Шайхитдинова основывает методологию своего исследования на трудах теоретиков модерна, трактуемого ею как «незавершённый проект», при этом предметом анализа обозначена «роль медиа в процессе отчуждения сущности человека от его существования» [19, с. 18–19, 21], по сути, ставится вопрос о «“ситуации человека” как понятийном отражении проблемы сущности и существования, феноменальности человеческой жизни, её права на уникальность» в современной «цифровой среде».

Между тем, представление о медийных процессах и далее – о сущности журналистики возвращает нас к парадигме Мамардашвили. Как считает С. К. Шайхитдинова, «происходит постепенное вытеснение из медиaprостранства человека как субъек-

та автономного действия и свободной воли, иначе говоря, как субъекта, способного нести за свои поступки, за своё поведение моральную ответственность. Медиа сегодня – это инструмент для ведения информационных войн, “промывки мозгов” и манипулирования общественным мнением» [Там же, с. 12–13]. Но это уже не просто «фабрика сознания» – это глобальный процесс «отчуждения журналиста от созданного им произведения, от призвания в пользу “профессионализма”; самоотчуждения журналиста в его труде; отчуждения между людьми в социуме в результате наступления на общественное сознание массивов “мыльной журналистики”» [Там же, с. 127–171].

Критическая рефлексия по поводу современного состояния медиа, можно сказать, заняла общее место в работах по теории журналистики. В. Д. Мансурова, придерживаясь теории социального действия, констатирует, что «отечественная журналистика, десятилетиями исповедовавшая марксистско-ленинский постулат о практике как единственном критерии истины, уже столкнулась с тем объективным фактом, что в настоящее время происходит активная смена парадигм интериоризации бытия в социокультурных текстах различной семиотики. Базируясь на различных теориях познания и методологиях отражения действительности, журналистика демонстрирует различные способы схематизации реальности, а не реальности как таковые. ...Проблема истинности/неистинности, объективности отражения действительности в СМИ всё чаще отступает на второй план» [9, с. 107]. В итоге меняется не только журналистика, меняется аудитория СМИ, которая, по словам А. В. Шевченко, «оказалась неспособной воспринять “журналистику факта”, а также образовательную, научную журналистику, апеллирующую к рациональной, интеллектуальной сфере массового сознания... [аудитория] бесконечно усилила запрос на легковесные развлекательные информационные продукты, агрессивно вытесняющие из СМИ собственно журналистику» [20, с. 80].

Шевченко рассматривает, прежде всего, так называемую «журналистику факта», философскую базу которой образует теория социальной атомизации», ставя перед собой вопрос: «Чем же таким располагает журналистика, что делает её присутствие в социуме объективно необходимым? На наш взгляд, пребывая в социальном, питаясь от него и питая его, журналистика использует не социальную, а информационную природу

факта, что обеспечивает ей надсоциальную форму бытования» [Там же, с. 9]. Итак, если утверждается объективная природа взаимодействия журналистики и социума, то тем самым продолжается исследование журналистики в парадигме социальной информации В. Г. Афанасьева, однако искусственное разделение на информационную и социальную природу факта избыточно, происходит отступление от сути «понимания информации как отражённого многообразия» [1, с. 10], в которое уже включён социальный аспект фактов. Это важно, так как «состояние социальной теории – лишь одно из выражений “симптома невменяемости”, поразившего не только научное знание, но и мировидение нынешних поколений в целом... В попытке пережить шок перед новой цивилизацией выводится нестабильность, непредсказуемость жизни из области душевных переживаний в предметное поле аналитической ...рефлексии» [19, с. 9–10].

Присоединимся к суждению Л. Г. Свитич о том, что «в условиях неравновесности даже небольшие влияния могут оказаться решающими... К системам, которые играют большую роль в обществе в период выбора им путей развития, принадлежат информационные системы, в том числе, и особенно, журналистика. ...Её воздействия в условиях сильной неравновесности общества имеют огромный либо позитивный, либо негативный эффект» [14]. Свитич избрала синергетический подход к анализу современного мира медиа, хотя и обозначает его «информационной парадигмой», подчёркивая, что «качество информационного воздействия на общество и планету, его эффекты становятся сегодня глобальной проблемой» [Там же, с. 4–6]. По всей видимости, именно этому автору, с её органичным подключением к анализу медиаидей «русского космизма», максимально удалось объединить устойчивые традиции диалектического материализма с новейшей проблематикой жизни человека и общества.

Заключение. Смысл и назначение журналистики в России исторически изменчивы и подвижны. На их динамику оказывают решающее воздействие общественно-политическая практика и собственно практика функционирования СМИ. В то же время на тектонику социально-политических сдвигов определённым образом отзывается и философская мысль, которая, как показывает история науки, по-своему влияет на теорию журналистики. Но так происходит не всегда. Отображение/применение философских под-

ходов в теории журналистики не зеркальное, разные философские концепции неравнозначно и асинхронно возникают в поле зрения исследователей медиа. Непростой для теории журналистики оказывается и диалектика взаимодействия укоренившихся традиций анализа печати, радио, телевидения и попыток нововведений в сфере теории. Взаимодействие детерминировано реальной постсоветской общественно-политической ситуацией в стране, когда новые социальные условия бытия соседствуют с устойчивыми реликтами советской эпохи. Этот феномен повсеместно отмечается в практике общественных отноше-

ний, в общественном сознании, в содержании медиасферы. В этом плане теория журналистики органично вобрала в себя проверенные практикой научных исследований аспекты материалистического понимания природы журналистики, методологии диалектического материализма, соединив их с вновь ставшими актуальными концепциями русской философии («русский космизм», концепция ноосферы и др.), а также концепциями, воспринятыми из мировой философии и показавшими свою эффективность в анализе информационных отношений в обществе (синергетика, теория коммуникативных действий и т. д.).

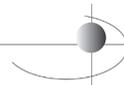
Список литературы

1. Афанасьев В. Г. Социальная информация. М.: Наука, 1994. 201 с.
2. Афанасьев В. Г. Социальная система и управление обществом. М.: Мысль, 1975. 407 с.
3. Докторов Б. З. Реклама и опросы общественного мнения в США: история зарождения. Судьбы творцов. М.: Центр социального прогнозирования, 2008. 626 с.
4. Евлампиев И. И. История русской философии. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 667 с.
5. Здорова В. И. Слово тоже есть дело. М.: Мысль, 1979. 174 с.
6. Корконосенко С. Г. Дисциплинарный статус теории журналистики // Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Алетейя, 2018. С. 11–41.
7. Лекторский В. А. Марксистско-ленинская теория познания и специальные науки // Диалектика. Познание. Наука / В. А. Лекторский [и др.]. М.: Наука, 1988. С. 5–13.
8. Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 582 с.
9. Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 237 с.
10. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
11. Никифоров А. Л. Понятие истины в марксистской методологии научного познания // Диалектика. Познание. Наука / В. А. Лекторский [и др.]. М.: Наука, 1988. С. 62–70.
12. Пёршке Г. Журналистика как отрасль духовного производства // Основные понятия теории журналистики (новые подходы к проблеме) / под ред. Я. Н. Засурского; ред.-сост. Л. Г. Свитич. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 51–111.
13. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 350 с.
14. Свитич Л. Г. Феномен журнализма / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Факультет журналистики МГУ, 2000. 252 с.
15. Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 246 с.
16. Тавокин Е. П. Массовая коммуникация: сущность и состояние в современной России. М.: Восток – Запад, 2011. 238 с.
17. Уэбстер Ф. Теории информационного общества: пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
18. Фомичева И. Д. Журналистика переходного периода: развитие практики и вызовы науке // Основные понятия теории журналистики (новые подходы к проблеме) / под ред. Я. Н. Засурского; ред.-сост. Л. Г. Свитич. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 4–26.
19. Шайхитдинова С. К. Информационное общество и «ситуация человека»: эволюция феномена и отчуждения. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 308 с.
20. Шевченко А. В. Журналистика: блуждающий аттрактор информационной эпохи: научные статьи разных лет. М.: Проспект, 2016. 180 с.

Статья поступила в редакцию 09.10.2018; принята к публикации 12.12.2018

Библиографическое описание статьи

Сидоров В. А. Диалектика традиций и новаций в современной теории журналистики // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 95–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-95-104.

Viktor A. Sidorov,
Doctor of Philosophy, Professor,
Saint Petersburg State University
(7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: v.sidorov@spbu.ru
orcid: 0000-0002-8819-6815

Dialectics of the Traditions and the Innovations in the Modern Theory of Journalism

The article considers the development of scientific ideas about the meaning and the purpose of the journalism in the modern society. We focus on the conditionality of the scientific process by the whole course of social development determining the formulation of the problems in the theoretical analysis of journalism, as well as the philosophical reflection in the connection with the socio-political dynamics. In this aspect, we note the interaction of the philosophical and theoretical journalistic concepts that arose in the period from the 1950s-1960s to the present. The article analyzes approaches to construction of the theory of journalism as inherited from the past, in which Marxist-Leninist philosophy was canonized, as well as the modern or formerly approaches actualized during the cardinal changes in the social structure of the country. The two trends in the construction of the theory of journalism are also identified, one forms socially significant targets of the journalistic activity and functioning media, another one critically reflects the increase of the negativism in the information sphere of the public life. At the same time, the article emphasizes the clearly materialistic basis of the formation of the modern trends in the theory of journalism. In the analyzed works of the journalism theorists, we identify the aspects that are somehow related to the modern state of media space, in which the modification of the journalism takes place while preserving the generic qualities of the journalism.

Keywords: theory of journalism, media, mass media, social information, the industry of consciousness, activity, materialistic analysis, synergy

References

1. Afanas'ev, V. G. The social information. M: Nauka, 1994. (In Rus.)
2. Afanas'ev, V. G. The social system and the management of the society. M: Mysl', 1975. (In Rus.)
3. Doktorov, B. Z. The advertising and the opinion polls in the United States: the history of the origin. Destiny of the creators. M: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya, 2008. (In Rus.)
4. Evlampiev, I. I. The history of the Russian philosophy. St. Petersburg: RHGA, 2014. (In Rus.)
5. Zdrovega, V. I. The word is also a matter. M: Mysl', 1979. (In Rus.)
6. Korkonosenko, S. G. The disciplinary status of the theory of journalism. The theories of journalism in Russia. St. Petersburg: Aleteya, 2018: 11–41. (In Rus.)
7. The Marxist-Leninist theory of knowledge and the special sciences. M: Nauka, 1988: 5–13. (In Rus.)
8. Mamardashvili, M. K. An essay of the modern European philosophy. M: Progress-Traditsiya, 2010. (In Rus.)
9. Mansurova, V. D. Journalistic picture of the world as a factor of the social determination. Barnaul: Altayskiy universitet, 2002. (In Rus.)
10. Mezhev, V. M. The idea of the culture. Essays on the philosophy of the culture. M: Progress-Traditsiya, 2006. (In Rus.)
11. The concept of the truth in the Marxist methodology of the scientific knowledge. M: Nauka, 1988: 62–70. (In Rus.)
12. Pyorshke, G. Journalism as a branch of the spiritual production. Ed. by Zasurskiy, Y. N., Svitich, L. G. Basic concepts of the theory of journalism (new approaches to the problem). M: Moskovskiy universitet, 1993: 51–111. (In Rus.)
13. Savchuk, V. V. Media philosophy. The attack of the reality. St. Petersburg: RHGA, 2014. (In Rus.)
14. Svitich, L. G. The phenomenon of the journalism. M: Fakultet jurnalistiki MGU, 2000. (In Rus.)
15. Strovskiy, D. L. Domestic political traditions in the journalism of the Soviet period. Ekaterinburg: Uralskiy universitet, 2001. (In Rus.)
16. Tavokin, E. P. The mass communication: the essence and the condition in modern Russia. M: Vostok – Zapad, 2011. (In Rus.)
17. Webster, F. Theories of the Information Society. M: Aspekt Press, 2004. (In Rus.)
18. Fomicheva, I. D. Journalism in the transition period: developing the practice and challenging the science. Ed. by Zasurskiy, Y. N., Svitich, L. G. Basic concepts of the theory of journalism (new approaches to the problem). M: Moskovskiy universitet, 1993: 4–26. (In Rus.)

-
19. Shaikhidinova, S. K. The Information society and the “human situation”: Evolution of the phenomenon and alienation. Kazan’: Kazanskiy universitet, 2004. (In Rus.)
20. Shevchenko, A. V. Journalism: the wandering attractor of the information age. M: Prospekt, 2016. (In Rus.)

Received: October 9, 2018; accepted for publication December 12, 2018

Reference to the article

Sidorov A. V. Dialectics of the Traditions and the Innovations in the Modern Theory of Journalism // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 2. PP. 95–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-95-104.
